

Касимов Евгений Витальевич

**РОЛЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРЕСТЬЯНСТВО ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧУВАШИИ**

В статье на материалах Чувашии анализируются методы принуждения, использованные в 1930-е годы руководством Советского Союза и местными органами власти для проведения радикальных преобразований в сельскохозяйственном секторе экономики. Основное внимание в работе автор акцентирует на значении прямого административного принуждения крестьян к вступлению в колхозы, на роли раскулачивания, повышенного налогообложения и политики сокращения земельных наделов в осуществлении коллективизации.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/22.html](http://www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/22.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 101-104. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/](http://www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

УДК 94(470.344)“1929/1940”

*В статье на материалах Чувашии анализируются методы принуждения, использованные в 1930-е годы руководством Советского Союза и местными органами власти для проведения радикальных преобразований в сельскохозяйственном секторе экономики. Основное внимание в работе автор акцентирует на значении прямого административного принуждения крестьян к вступлению в колхозы, на роли раскулачивания, повышенного налогообложения и политики сокращения земельных наделов в осуществлении коллективизации.*

*Ключевые слова и фразы:* крестьянство Чувашии; коллективизация сельского хозяйства; колхозы; перегибы; раскулачивание; налогообложение.

**Евгений Витальевич Касимов**, к.и.н.

*Кафедра отечественной и региональной истории*

*Чувашияский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева*

*kasimov-evg@yandex.ru*

### **РОЛЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРЕСТЬЯНСТВО ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧУВАШИИ<sup>©</sup>**

Под воздействием решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 года в Чувашии, как и по всей стране, был взят курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Для проведения данной политики руководством страны и на местах использовались самые разнообразные методы и формы. Сегодня вопрос о методах осуществления коллективизации уже не относится к числу дискуссионных вопросов отечественной истории. Споры о характере аграрных преобразований сталинской эпохи, развернувшиеся в последние годы существования Советского Союза, по сути, закончились сразу после распада СССР и освобождения исторической науки от прежних идеологических установок и шаблонов. В новейшей историографии Чувашии утвердилось положение о насильственном характере процесса коллективизации сельского хозяйства. Данная точка зрения нашла отражение в трудах В. С. Григорьева, В. Н. Клементьева, В. М. Михайлова, В. Г. Харитоновой и др. [9; 11; 12; 14; 21]. Однако сами методы и их эффективность воздействия на крестьянство Чувашии еще не становились предметом специального исследования. Важность рассмотрения мер принуждения обуславливается также тем, что коллективизация являлась крайне многосложным процессом и на разных ее этапах доминировали различные методы.

На наш взгляд, важнейшую роль в обеспечении перехода крестьян-единоличников к коллективному способу хозяйствования сыграли следующие средства давления.

*1. Административное принуждение крестьян к вступлению в колхозы.* Оно приобрело широчайший размах в феврале 1930 г. и проявлялось в разных формах: наложение повышенных заданий по хлебозаготовкам и сельскохозяйственному налогу с нереальными сроками уплаты (обычно в течение 24 часов), применение незаконных штрафов и арестов, прекращение отпуска промышленных товаров, выделение худшей земли вдалеке от деревни, разного рода угрозы [2, д. 213, л. 118-119; 24, с. 19-21].

Во многом именно вследствие использования административного принуждения (наряду с раскулачиванием крестьянских хозяйств и созданием «бумажных» колхозов) количественные показатели колхозного строительства в конце января – феврале 1930 г. менялись в Чувашии с калейдоскопической быстротой: к 20 января записанными в колхозы числились 23 700 крестьянских хозяйств (13,3% от общего количества), к 1 февраля – 49 133 (27,5%), к 10 февраля – 76 516 (42,8%), к 20 февраля – 109 230 (61,1%), к 1 марта – 121 287 хозяйств (67,9%) [7, д. 8, л. 117, д. 54, ч. 2, л. 583; 8, д. 353, л. 2]. При этом в Цивильском, Вурнарском и Красночетайском районах уровень коллективизации превышал 93% [8, д. 353, л. 2].

Партийное руководство страны знало о грубых нарушениях законности в деревне, но пока обстановка не накалилась до предела и не возникла опасность внутреннему и внешнему положению страны, никаких мер для исправления ситуации принято не было. Лишь 28 февраля Политбюро ЦК ВКП(б) поручило И. В. Сталину выступить со статьей против «перегибов» в коллективизации, а специальной комиссии срочно отредактировать и опубликовать новый примерный устав сельхозартели. 2 марта 1930 г. устав и статья «Головокружение от успехов» были опубликованы в газете «Правда». Как известно, вместо объективного объяснения причин «перегибов» И. В. Сталин всю вину за них взвалил на местных работников. Между тем стремление местных работников выполнить и перевыполнить явно завышенные (из-за прямых указаний руководства страны) задания по коллективизации любой ценой и в максимально короткие сроки накладывалось на неумение убеждать, слабость организационных, материально-технических и социально-психологических предпосылок, что непосредственно толкало к насильственным действиям. Критика тех или иных ошибочных и опрометчивых действий воспринималась как «правый уклон».

В результате массовых выходов из колхозов, последовавших вслед за публикацией статьи И. В. Сталина (хотя данный процесс начался еще в феврале 1930 г. [7, д. 54, ч. 2, л. 504]), на протяжении четырех месяцев в Чувашии наблюдалось неуклонное сокращение числа хозяйств в колхозах. В конечном счете с 1 марта по

1 июля количество колхозов уменьшилось с 1 346 до 784, процент коллективизированных дворов – с 67,9% до 10,7%. Из 1 212 селений, считавшихся полностью перешедшими в колхоз (более 52% селений республики), осталось в апреле 1930 г. только 51 [7, д. 49, л. 31, д. 51, т. 1, л. 328, д. 54, ч. 2, л. 583; 15, с. 129].

Несмотря на «исправление» ситуации весной 1930 г., и в дальнейшем факты администрирования, официально называемые «перегибами» и «извращениями», наблюдались (хотя и в существенно меньших масштабах) во всех районах Чувашии. К примеру, летом 1934 г. Чувашский обком ВКП(б) сообщал в Горьковский крайком партии о «перегибах» в Батыревском, Вурнарском, Ибресинском, Порецком и Шихирдановском районах [16, с. 291-298].

2. *Раскулачивание крестьянских хозяйств.* Оно явилось неотъемлемой частью процесса коллективизации, ее движущей силой, поскольку с помощью раскулачивания решался целый комплекс задач: устранялись конкурентоспособные с колхозами хозяйства; укреплялась материально-техническая база коллективных объединений, в неделимые фонды которых поступали экспроприированные средства производства; закрывалась дорога середняцким слоям в зажиточные, вследствие чего для них оставалась одна альтернатива – вступить в колхозы или оставить сельскохозяйственное производство; ослаблялось сопротивление со стороны крестьянства к социальным новшествам, так как репрессировалась наиболее консервативная и недоверчивая часть сельского социума [10, с. 104-105].

Значительное влияние раскулачивания на процесс вовлечения единоличников в колхозы наглядно проявляется, например, в том, что именно массовое выселение раскулаченных крестьянских хозяйств за пределы республики в августе 1931 г. (столь позднее осуществление данного мероприятия в Чувашии обуславливалось проведением в 1930 г. выселения раскулаченных хозяйств из зерновых районов страны) обеспечило новый подъем колхозного движения. В ходе собраний бедноты по вопросу выселения кулаков нередко принимались решения о создании колхозов или организации прилива в уже существующие объединения. Всего за один месяц в колхозы вступило свыше 20 тыс. хозяйств (11,5% от общего количества), то есть больше, чем за последующие два года: по официальным данным, с 1 сентября 1931 г. по 1 января 1934 г. уровень коллективизации в республике повысился лишь на 10,9% – с 41,2 до 52,1% [4, д. 14, л. 76; 6, д. 12, л. 17].

3. *Налоговый нажим на единоличников.* К середине 1930-х годов повышенное налогообложение превратилось в главное средство вовлечения крестьян в колхозы. 2 июля 1934 г. в Кремле было созвано специальное совещание по вопросу о коллективизации и единоличнике. На нем И. В. Сталин высказался о необходимости «наступить на единоличника», «усилить налоговый пресс» [22, с. 190-191]. В 1934 г. вновь, как и в 1932 г., был введен высокий единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства. Нормы сдачи зерна по обязательным поставкам государству были установлены для единоличных хозяйств на 50% (ранее было 5-10%) выше норм, установленных для колхозов, не обслуживаемых машинно-тракторными станциями [20]. Кроме того, вводились искусственно завышенные нормы доходности и ставки при обложении сельхозналогом. Так, норма доходности одной головы лошади была поднята в 1935 г. по сравнению с 1932 г. с 22 до 120 руб., коровы – с 19,5 до 105 руб.; норма доходности гектара посева зерновых – с 55 до 80 руб., огородов – с 300 до 675 руб. (для Чувашии нормы доходности устанавливались ежегодно в несколько пониженном размере). Исчисляемые доходы намного превышали действительные доходы от сельского хозяйства. Более чем в два раза выросли ставки налога: если в 1932 г. хозяйства с исчисляемым доходом до 100 руб. уплачивали налог в размере 7 руб., то через три года – 15 руб. [17-19; 21]. Все хозяйства, независимо от наличия скота, начали привлекаться к поставкам мяса. Значительно повысилась ответственность единоличников за выполнение обязательных натуральных поставок и внесение денежных платежей, ужесточились санкции за невыполнение или отказ от планов сева и т.п. Существовавшие до этого ограничения во взыскании штрафов с единоличников были отменены [22, с. 14]. Во многих районах Чувашии обычной практикой стало принудительное взыскание платежей по налогу и культсбору, раньше применявшееся преимущественно к кулацким хозяйствам, а также продажа за бесценок изъятого имущества [3, д. 1086, л. 183, 231, 258].

В 1938 г., обвинив, по существу, всех единоличников в спекуляции и стремлении к наживе, а местные советские органы в «противогосударственной практике попустительства» в отношении выполнения единоличниками обязательств перед государством (и это несмотря на то, что ежегодно финансовые органы ориентировались на усиление полноты охвата индивидуальных хозяйств неземледельческими и рыночными доходами, а незаконное переобложение крестьян по сельскохозяйственному налогу и культсбору в 1936-1937 гг. в результате очередных «перегибов» превысило в Чувашии, по официальным данным, 4,2 млн руб. [Там же, л. 7]), руководство страны ввело налог на лошадей единоличных хозяйств. Крестьяне, вступившие в колхоз и обобществившие своих лошадей до 15 октября 1938 г., освобождались от налога. В связи с этим в течение сентября в Канашском районе вступило в колхозы более 160 хозяйств, в Татаркасинском районе – свыше 150, в одном лишь Шигаевском сельсовете Марпосадского района – 31 хозяйство и т.д. [1, д. 92, л. 13-14, 33]. Таким образом, ужесточение налогов в 1930-е годы фактически являлось узаконенным административным нажимом на крестьянство.

4. *Целенаправленная политика сокращения земельных наделов единоличников.* В районах сплошной коллективизации райисполкомы обладали правом самостоятельно устанавливать нормы пашни для единоличных хозяйств. Как это право реализовывалось на практике, проиллюстрируем примером Козловского райисполкома: после землеотвода 1934 г. норма пашни на дока в единоличном секторе сократилась в д. Баланово с 9 056 до 5 182 кв. м, в д. Малое Бишево – с 7 420 до 4 862, в д. Малое Карачево – с 4 891 до 3 525 кв. м [5, д. 123, т. 4, л. 110]. Следует подчеркнуть, что описываемый факт не относится к числу «перегибов»,

имевших место, несомненно, и в данной сфере. Кроме того, нередко были случаи лишения земли за невыполнение определенных агротехнических мероприятий, за неуплату обязательных платежей, в случае неполной засыпки семенного и страхового фондов.

Согласно примерному уставу сельскохозяйственной артели от 2 марта 1930 г., вышедшие из колхоза крестьяне наделялись земельным участком лишь из свободных земель государственного фонда. В Государственном историческом архиве Чувашской Республики сохранился не один десяток жалоб единоличников, выбывших в 1930-1933 гг. из колхозов и не получивших в итоге землю [Там же, л. 3-1020]. Жалобы крестьян доходили не только до Наркомзема и ЦИК Чувашской АССР, ходяки от выходцев жаловались в Горьковское краевое земельное управление, Наркомзем и ВЦИК РСФСР. Но в Чувашии свободных земель госфонда не имелось, и, следовательно, закон не исполнялся. Управление землеустройства Наркомзема Чувашской АССР в ответах на жалобы крестьян, разъясняя им порядок наделения землей, всегда рекомендовало подать заявление об обратном приеме в колхозы. Одновременно районным земельным отделам указывалось проводить систематическую разъяснительную работу среди выходцев и отчитываться о проделанной работе (сколько человек вернулось в колхозы) [Там же, л. 3, 245, 1020].

То есть налицо факт принудительного отчуждения земельных участков у значительной массы крестьян. Именно этим объясняется характерное для 1930-х годов превышение процента посевной площади, приходящейся на долю колхозов, над процентом коллективизированных крестьянских хозяйств (до 1930 г. ситуация была прямо противоположной). С каждым годом этот разрыв увеличивался, и к началу 1937 г. колхозы, объединяя 72,4% крестьянских дворов, занимали 88,9% посевной площади [15, с. 137].

Катализатором коллективизации выступило и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Так называемые «излишки» земли были выявлены в Чувашии у 93,2% единоличных хозяйств. В процессе обмера и отрезки земель в колхозы вступило до 2 тыс. хозяйств [8, д. 2185, л. 94].

Перечисленные меры воздействия на крестьян были основными, но далеко не единственными. Дискриминация единоличников проявлялась практически во всем. К примеру, уже в 1931 г. кредитование индивидуальных хозяйств осуществлялось в незначительном объеме и только через районные кооперативные союзы, а со второго полугодия оно прекратилось вовсе. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» доходы колхозов и колхозников от продажи на рынке своих продуктов не облагались налогом, а доходы единоличников привлекались к обложению сельхозналогом в размере до 30% доходов от торговли [13, с. 418]. Подобных мер, инициированных центральной властью и направленных на создание непосильных условий для единоличного сектора, можно привести огромное количество.

Таким образом, вовлечение крестьян-единоличников Чувашии в колхозы происходило в 1930-е годы преимущественно насильственным образом. Первоначально рост процента коллективизированных дворов был связан с прямым административным принуждением крестьян к вступлению в колхозы и страхом населения перед раскулачиванием. Второй подъем массового движения колхозного движения случился, когда в республике проводилось массовое выселение раскулаченных хозяйств. Несмотря на формальное осуждение весной 1930 г. «перегибов» в проведении сплошной коллективизации, внеэкономическое принуждение сохранялось всегда. Тем не менее руководство страны, убедившись в бесперспективности форсированного обобществления крестьянских хозяйств, изменило тактику проведения аграрной реформы, перенес акцент на экономические формы воздействия, а также на улучшение организации работы коллективных хозяйств. Налоговый нажим на индивидуальный сектор и отчуждение земельных участков единоличников в сочетании с мероприятиями правительства по организационно-хозяйственному укреплению колхозов способствовали процессу усиленного вовлечения единоличников в колхозы. В конечном счете создание жесткого контроля над индивидуальным производством, лишение единоличников перспектив на укрепление своей производственной базы обеспечили вовлечение в колхозы за относительно короткие сроки большинства крестьян. К концу второй пятилетки коллективизация сельского хозяйства Чувашии в основном завершилась. На 1 января 1938 г. колхозы объединяли, по данным Наркомзема Чувашской АССР, 75,9% крестьянских хозяйств [6, д. 132, л. 15, 23]. Фактически же коллективизация завершилась к 1940 г., когда 97,5% всех посевных площадей республики приходилось на коллективные хозяйства. Вне колхозов остались только престарелые домохозяева, не имевшие пахотных земель, и хозяйства с неземледельческими доходами (ремесло, извоз и др.).

#### *Список литературы*

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 9.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИЧР). Ф. П-1. Оп. 11.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИАЧР). Ф. Р-18. Оп. 1.
4. Там же. Ф. Р-197. Оп. 9.
5. Там же. Оп. 12.
6. Там же. Оп. 15.
7. Там же. Ф. Р-199. Оп. 1.
8. Там же. Ф. Р-210. Оп. 1.

9. Григорьев В. С. Социальная работа в российской деревне: крестьянская взаимопомощь в первой половине XX в. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ин-т, 1998. 448 с.
10. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне: 1928-1933 гг. М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.
11. История Чувашии новейшего времени / редкол.: И. И. Бойко и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 1. 1917-1945. 263 с.
12. Клементьев В. Н. Советы Чувашии и массовая коллективизация деревни (1929-1932 гг.): переосмысление традиционных подходов // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 64-72.
13. Коллективизация сельского хозяйства: важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства: 1927-1935 / отв. ред. П. Н. Шарова. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 575 с.
14. Михайлов В. М. Сельскохозяйственная реформа в Чувашской АССР во второй половине 20-х – 30-е годы // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 52-63.
15. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. Ч. 1. 302 с.
16. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР: 1920-1937 гг.: осуществление коллективизации: сборник документов / отв. ред. А. М. Шорников. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 432 с.
17. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР и СТО (СЗ СССР). 1932. № 30. Ст. 189.
18. Там же. 1933. № 32. Ст. 188.
19. Там же. 1934. № 30. Ст. 231.
20. Там же. № 40. Ст. 321.
21. Там же. 1935. № 30. Ст. 232.
22. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: 1927-1939: документы и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4. 1934-1936. 1056 с.
23. Харитонов В. Г. Преобразования в аграрном секторе экономики Чувашии в советскую эпоху и их итоги // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 73-86.
24. Шорников А. М. Об извращениях ленинской политики по отношению к крестьянству в конце 20-х – начале 30-х гг. в Чувашии // Исследования по аграрной истории Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1989. С. 14-36.

#### THE ROLE OF THE COMPULSION MEASURES OF INFLUENCING PEASANTRY DURING THE REALIZATION OF THE CONTINUOUS COLLECTIVIZATION OF CHUVASH AGRICULTURE

Evgenii Vital'evich Kasimov, Ph. D. in History  
Department of Native and Regional History  
Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev  
kasimov-evg@yandex.ru

The author analyzes the compulsion measures used by the Soviet Union leaders and local authorities in the 1930s for carrying out radical transformations in the agricultural sector of economy by the materials of Chuvashia and pays special attention to the role of the direct administrative compulsion of peasants to enter into collective farms, to kulaks dispossession role, raised taxation and allotment decrease policy in collectivization realization.

*Key words and phrases:* Chuvashia peasants; agriculture collectivization; collective farms; extremes; kulaks dispossession; taxation.

УДК 1(091)

*В статье раскрывается своеобразие понимания В. Розановым проблемы власти, её исторических корней: в его произведениях происходит мифологизация власти, а царь становится основной мифологемой. В розановском мифе царская власть богоданная, а сам царь – метафизическая основа русской жизни. С его отречением разрушается единство страны, происходит разрыв с Вечностью. В. Розанов противопоставляет монархию республике, которая, по его версии, стала порождением языческой античности, в то время как личность царя формировалась в христианских ценностях.*

*Ключевые слова и фразы:* язычество; христианство; республика; парламент; царь; богоданность; мифологема; время историческое и мифическое; трагическая судьба; метафизическая сущность.

**Наталья Константинова Кашина**, к. филол. н., доцент  
Кафедра теории и истории культур  
Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова  
kashtann55@rambler.ru

#### МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. РОЗАНОВА<sup>©</sup>

В. Розанов, чьё мышление приобрело черты мифологического, не творил миф, а жил в нём. Его миф – это целостная картина мира, в которой автор находит своё место. Для подобного мышления характерно такое восприятие времени, которое позволяет всю культуру ощущать как здесь и сейчас происходящее. История с этой